

З.К. Тедеева, Х.Г. Кодалаева, Э.Г. Куликова

КАТЕГОРИИ РИТОРИЧЕСКОГО КАНОНА И СОВРЕМЕННЫЙ
МЕДИАТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПРЕССЫ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ)*

Статья написана в рамках медиалингвистики и посвящена анализу реализации центральных категорий классической риторики – правильности (чистоты), ясности (точности), уместности и красоты – в текстах региональной прессы Республики Южная Осетия в сравнении с медийными текстами более широкого распространения.

Ключевые слова: медиалект, медиатекст, региональные медиа, литературный язык, литературная норма, риторический канон.

Z.K. Tedeeva, Kh.G. Kodalaeva, E.G. Kulikova

RHETORICAL CANON CATEGORIES AND MODERN MEDIA
TEXT (BASED ON THE REGIONAL RUSSIAN-LANGUAGE PRESS
OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA)

It is absolutely true that the media is considered to be “a qualitatively new social and linguistic reality of a person” (A.V. Polonsky). Therefore it is no coincidence that a whole scientific direction – media linguistics – studies the rhetorical features of media texts. The article is written within the framework of this new scientific direction and devoted to the analysis of the implementation of the central categories of classical rhetoric such as correctness (purity), clarity (accuracy), relevance and beauty, in the texts of the regional press of the RSO (Republic of South Ossetia) in comparison with media texts of wider distribution.

Keywords: medialect, mediatext, regional media, literary language, literary standard, rhetorical canon.

Вводные замечания

В современном мире медиа стали неотъемлемой частью большинства институциональных действий. Не случайно поэтому появление нового понятия «медийного человека» [1], который формируется медийной информацией, и речь не только об известных людях, жизнь и деятельность которых – предмет постоянного внимания медиа, но о множестве людей, сформированных в процессе медиатизации [18,

с. 105]. Утвердилось и понятие медиалекта – особого типа языка, сформированного медийной средой, причем широко признано доминирование медиалекта над иными языковыми формами в речевой практике современного человека.

То, что сегодня принято называть медиалектом, совсем недавно именовалось публицистическим стилем литературного языка, и, соответственно, место этого феномена было четко определено – один из пяти (или шести – с учетом религиоз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

Тедеева Заира Константиновна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Сфера научных интересов: русский язык, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, межкультурная коммуникация. Автор 100 опубликованных научных работ.
E-mail: tedeeva.zaira@mail.ru

Кодалаева Хансиат Герсановна

заведующая кафедрой международной журналистики Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Сфера научных интересов: русский язык, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, межкультурная коммуникация. Автор более 90 опубликованных научных работ.
E-mail: kh_kodalaty@mail.ru

Куликова Элла Германовна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Сфера научных интересов: коммуникативные стратегии и тактики, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, юридическая лингвистика, лакунология, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация. Автор около 300 опубликованных научных работ.
E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

но-проповеднического) функциональных стилей. Впервые прозвучавшая в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» идея функционального стиля [20, с. 35–65] сформировала целое направление – функциональную стилистику. Это направление было одним из ведущих и тщательно разрабатывалось в советском языкознании. Функциональная стилистика советского периода имплицитно опиралась на положение о том, что «общность мест реализации (сфера человеческой деятельности – наука, администрирование, пресса) влечет за собой типологическую общность и единство собственно лингвистических свойств» [6, с. 44]. Общественная практика как будто подтверждала это: в советский пе-

риод речевые практики во всех значимых институциональных сферах были в высшей степени единообразными, а все, что не соответствовало канону, отвергалось как не заслуживающее внимания. В таких условиях идея «больших» функциональных стилей вполне соответствовала узусу. Как пишет К.А. Долинин, функциональная стилистика представляет собой отражение типичного номенклатурного мышления, регламентирующего все сферы общественной деятельности [4, с. 617–618]. Естественно, что с началом перестройки, сделавшей публичные речевые практики несравнимо более разнообразными, начался закат функциональной стилистики. Была воспринята, наконец, идея М.М. Бахтина

о том, что в описании стилевой системы необходимо идти индуктивным путем – от реально сформировавшихся речевых жанров. В последние годы теория речевых жанров активно разрабатывается, так что на различных основаниях исследователи выделяют от нескольких десятков до нескольких сотен речевых жанров.

Если реальность научного, разговорного или официально-делового стилей не отрицается и сегодня (при всех изменениях типа дрейфа научного стиля от информативности к фатике и даже к имитационности и др.), то о публицистическом стиле не упоминают и сами журналисты. То, что прежде считалось вертикальной нормой этого стиля (дозированное соотношение стандарта и экспрессии), перестало быть характерной чертой языка СМИ. По замечанию Г.Г. Хазагерова, выделение этого стиля не вполне «адекватно сегодняшней коммуникативной ситуации» [15, с. 327]. Вместо термина «публицистический стиль» стали предпочтительными обозначения «язык СМИ», «язык медиа», а в последние годы – медиалект.

«Особая социальная значимость медиалекта обусловлена тем, что сегодня именно он определяет характер всех активных процессов, происходящих в языке, оказывает сильнейшее влияние на все другие формы языка, в том числе на литературный язык», – пишет А.В. Полонский [11, с. 230]. То есть медиалект выводится за пределы понятия «литературный язык». Ср. также: «Сегодня медиалект определяет характер всех активных языковых процессов, оказывает сильнейшее влияние на все другие формы языка, в том числе на литературный язык» [там же].

Полагаем, что при всех изменениях типа снижения порога нормативности толерантного отношения к различным ви-

дам субстандарта язык медиа – это язык литературный. Более того: после того как художественная литература утратила роль нормозадающего механизма, эту функцию взяли на себя именно медиа. Ср. мнение патриарха отечественной стилистики и журналистики Г.Я. Солганика: «Если в XIX веке понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ, который можно назвать медиастилем» [14, с. 10–11]. Интересно, что и сам автор идеи противопоставления литературного языка и медиалекта А.В. Полонский в своей более ранней работе писал о том, что язык масс-медиа принял на себя важнейшую культурологическую функцию языка-эталона [9, с. 250]. Понятие «язык-эталон» по определению никак не может быть противопоставлено литературному языку.

Итак, медиалект правомерно рассматривать как важнейшую разновидность (наряду с языком науки, официально-деловым и разговорным стилями) литературного языка при традиционном понимании последнего. Если медиалект – это действительно не просто реализация литературного языка, но «язык-эталон», он должен воплощать такие свойства, которые со времен классической риторики относили к качествам хорошей речи, а именно: чистоту, ясность, уместность и красоту.

Правильность (чистота) и ясность как категории медиалекта

О медийных ошибках сказано и написано более чем достаточно [3, 12, 13, 17, 19 и др.], причем нередко – самими журналистами, ср. замечание редактора журнала

Специфика медиатекста

«Семь дней ТВ-программа»: «Масс-медиа характеризуются общей неграмотностью» [1, с. 42]. Самыми массовыми в двух республиканских газетах – «Республика» и «Южная Осетия» – по нашим наблюдениям, оказываются пунктуационные ошибки:

«... республика из сложной ситуации, связанной с пандемией COVID – вышла достойно» (Южная Осетия, 12 января 2021 г.); «В прошлом номере газеты мы анонсировали данную постановку и вот на неделе премьеры спектакля с успехом прошла на сцене Юго-Осетинского Госдрамтеатра» (там же). «Подшел к концу май и по традиции мы знакомим наших читателей со спортивными итогами истекшего месяца» (там же). «Но в последнее время многие жители Южной Осетии стараются восстановить историю своих семей, переживших геноцид и поделиться ими» (Республика, 19 июня 2021 г.).

Как видим, отсутствуют запятые, закрывающие сравнительный и причастный обороты, нет запятых в сложносочиненных предложениях. Ср. в том же номере предложение с двумя лишними запятыми: «А во второй половине апреля, подающий большие надежды цхинвалец, взошел на высшую ступень пьедестала почета юношеского первенства России в весовой категории до 66 килограммов».

Орфографические ошибки единичны: «Регион с подавляющим армянским населением оказался в составе Азербайджанской ССР, получив в качестве успокоительной пилюли статус автономного образования. Ну а дальше **по писанному** – в условиях “народного братства” ведущая нация стала проводить ползучую экспансию против армян» (Республика, 21 января 2021 г.).

Не надо думать, что пренебрежение нормами пунктуации характерно только для

региональных СМИ. Ср. пунктуационные и даже грубые орфографические ошибки в центральных медиа и материалах международных конференций: «Бояков умный человек (название раздела статьи А. Балуховой «Актер Антон Адашинский: История во МХАТЕ была очень неприятной» // Собеседник. 2021. № 24. С. 18); Заголовки В течении лета (Российская газета, 16–22 июня 2021 г., с. 5). Ср. также материалы конференции «Конфликтология XXI века» [5]: «В начале, стоит рассмотреть, что собой представляет понятие «социальный конфликт» (с. 323); Как видется выход из создавшейся ситуации общественными мыслителями, учеными и политиками-практиками? Объединя различные подходы и варианты решения данной проблемы суждения сводятся к следующему: от декларативных установок на защиту прав и свобод личности мигрантов необходимо перейти к реальной политике в этой сфере, а именно формирование институтов гражданского общества, где мигранты могли бы реализовать свои социальные и культурные интенции: ассоциации, представительства, культурные центры...» [с. 327].

Второе по распространенности нарушение правильности речи – неточный выбор слова или грамматической формы, различение паронимов: «При этом у Баку, в отличие от соседей, оказалось одно серьезное преимущество в виде огромных запасов энергоресурсов (нефть, газ). И он этим образцово воспользовался: **ударилсь в рост** хозяйственные показатели, выросло в разы благосостояние населения. В итоге конфликт был активно «разморожен», что **повлекло за собою множество человеческих жизней** и создало новые геополитические реалии в закавказском регионе» («Республика», 21 января 2021 г.). «Студентам высших и средних профессиональных учре-

ждений Южной Осетии, *обучающихся* по очной форме, на 30 процентов увеличили размер стипендий». (<https://www.facebook.com/goskominf/>)

«Не скажу, что *учеба удавалась мне легко*, но я старался, как мог, – говорит молодой человек» (Республика, 28 марта 2021 г.). «11 июля 2020 года югоосетинскими правоохранительными органами был задержан житель Грузии Заза Гахеладзе. Вооруженный огнестрельным оружием, он незаконно перешел на территорию Республики Южная Осетия и открыл стрельбу по пограничному наряду. После расследования уголовного дела Верховный суд Южной Осетии 5 февраля 2021 года приговорил его к 12 годам и шести месяцам лишения свободы по ч.1 ст.322 «Незаконное пересечение государственной границы» и ст.317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» (Южная Осетия, 22 июня 2021 г.).

В последнем случае автор не учел, что многозначное слово реализует одно из своих значений только во множественном числе. Исползованная форма единственного числа существительного pluralia tantum создает непреднамеренный комический эффект.

Безграмотность вредит и самому главному качеству хорошей речи, без которой, по сути, не актуальны и все другие, – ясности. Ср.: «Этот вид вируса чаще может заражать людей молодого возраста, при этом *быстрее усугубляется его состояние здоровья*. Лечение точно такое же, как и у других штаммов, но обращаться в больницу нужно намного раньше, на первый второй день. Также вирус распространяется на более коротком расстоянии и за меньший период времени», — отметила Скорик» (25 июня 2021 г.)

«Я всегда рад здоровой критике. Это, безусловно, нужное начинание, ведь *уста-*

ми представителей этого совета мы фактически слышим мнение зрителя» (Интервью режиссера Казбека Джелиева, Республика, 15 июня 2021 г.).

Ясности вредят и лингвотурологические ошибки. Ср.: «Он подает документы на кинорежиссерский факультет Всероссийского Государственного института культуры (ВГИК) ВГИК» («Республика», 31 января 2021 г.). Знаковая для нашей культуры аббревиатура ВГИК означает «Всероссийский (бывший Всесоюзный) государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова».

Ясность, как главное качество хорошей речи, подразумевает доступность смысла высказывания для восприятия, обеспечивает быстрое и легкое понимание речи. Ср.: «Если какое-то предложение понимается верно во всех своих элементах сразу же, при первоначальном восприятии, а не при перечитывании этого предложения, то оно должно быть признано ясным. Если же читающие вынуждены возвратиться и переосмыслить прочитанное, то такое предложение должно быть признано коммуникативно неясным, то есть стилистически дефектным» [8, с. 212].

Как хорошо видно из приведенных примеров, нарушение норм орфографии и пунктуации, ошибки в использовании грамматических форм и синтаксических конструкций создают «темные» места – препятствия, затрудняющие реципиенту «доступ» к реалиям, о которых пишет автор, и к мыслям автора текста об этих реалиях. Безусловно, «ясность является универсальным качеством, значимым в любом функциональном стиле» [16, с. 398], и особенно важным это качество становится для медиалекта с его ориентированностью на информативность и перлокутивные эффекты.

Специфика медиатекста

*Уместность и красота как категории
медиалекта*

Категория уместности коррелирует со стилевой и жанровой дифференциацией языка. Одно из распространенных нарушений, связанных с категорией уместности, можно обозначить как непропорциональное использование маркеров официально-делового стиля. То, что 70 лет назад К.И. Чуковский обозначил как главную болезнь языка – канцелярит, остается (пусть не на первых позициях – отсюда его потеснили жаргонизмы и англо-американизмы) актуальным. Ср.: «**Данный** вопрос мы поднимаем уже второе десятилетие. Но ответа все нет. Вот и в этот раз **данный**, поистине исторический для нашего народа день прошел фактически обыденно – не было ни военного парада, ни торжественного заседания, ни праздничного концерта, ни салюта» (Республика, 15 июня 2021 г.).

Ср. статью Г. Сахарова в «Литературной газете» (2021, № 14. С. 9) с характерным названием «Балом правит канцелярит», где речь идет о том, что от многих медийных текстов «несет протоколом», что они напоминают «скучный служебный документ». Именно такое впечатление производит текст, где человека, который стал источником информации для автора статьи, называют только по фамилии: «Он был создан при Народном комиссариате просвещения. Эту дату можно считать нашим праздником», – сказала Валиева»; «На многих документах со временем исчезает текст», – говорит Валиева»; «Валиева рассказала, в каких условиях хранятся архивные документы в Южной Осетии» (Южная Осетия, 10 марта 2021 г.)

Четвертое качество хорошей речи (после ясности, чистоты (правильности) и уместности) – это красота. Смысл это-

го термина, в отличие от трех других, совсем не очевиден. Содержание, которые вкладывали в этот термин античные риторики ('приятность', 'сладость', 'величавость', 'приподнятость' и др.), мало востребовано сегодня. Красивой часто считают речь «отделанную», «украшенную» тропами и фигурами, но понятно, что сами по себе средства усиления изобразительности и выразительности еще не делают речь красивой (эти средства, как минимум, должны способствовать ясности и быть уместными). Нередко красивой считают речь, способную привлечь внимание не только содержанием, но и формой, что, конечно, достигается нетривиальными средствами, например окказионализмами, ср.: «Будем объективны, пока под боком существует такая страна как Грузия, даже при наличии здесь российской военной базы, говорить о полном разрешении ситуации нельзя. Тем более, что у Тбилиси теперь еще и есть обратный воодушевляющий пример, когда **«размораживатели»** добились своей цели» («Республика», 21 января 2021 г.).

Поскольку в тексте не раз использовались антонимы *замораживать* – *размораживать* конфликт (В данном случае «разморозка» оказалась пагубной, и др.), окказионализм понятен и оправдан. В том же тексте встречаем «шеварднадзевский выученик Саакашвили» (именно *выученик*, а не *ученик*, что прекрасно передает прагматику отчуждения, пейоративности), комическое сопоставление Саакашвили, затеявшего кровавую авантюру августа 2008 года, с царем Давидом-Строителем, «собирателем земель грузинских» («Республика», 21 января 2021 г.).

На красоту «работают» и грамматические тропы – аллеотеты, например форма множественного числа отвлеченного существительного со значением негомогенности: «Театр нужно не просто любить,

Категории риторического канона и современный медиатекст...

а доказывать это работой. Вот я, к примеру, артистам при постановке “Дон Жуана”, когда слышал разного рода **недовольства**, всегда говорил – ребята, не обращайтесь ни на что внимания, ваше слово, ваш протест демонстрируйте только со сцены» (Интервью режиссера Казбека Джелиева. Республика, 15 июня 2021 г.).

Естественно, что к красоте никакого отношения не имеют высказывания с невнятной мыслью, не соответствующей ожиданиям: «Котаев отмечает, что профессия режиссера – прекрасная возможность донести до зрителя заложенный в постановках смысл, то, что не можешь просто сказать» (Республика, 28 марта 2021 г.).

Действительно, режиссер сказал эту невнятицу или это невнятная интерпретация интервьюера, но читатель если и обратит внимание на форму, то поразится только примитивности высказывания.

Специфическую красоту текста в региональных медиа создают экзотизмы (употребляемые, конечно, весьма дозированно и в необходимых случаях с соответствующими пояснениями): «Руслан Туаев, житель селения Ухат, ущелье Тырсыгом: “Над нашим селением расположено большое горное плато, его называют «Фэтанта» (букв. – широкие). Как рассказывал мой дедушка, здесь собирались ангелы-зедта. Похожи они были на маленьких человечков» (Республика, 31 января 2021 г.).

Эти элементы, создающие национальный колорит, сочетаются со всеобщими проявлениями глобализма – англоязычными макаронизмами:

«Праздник молодежи собрал тысячи граждан на Театральной площади Цхинвала. Незабываемую вечеринку для молодёжи устроил Dj Pasha Kiriloff. Концерт прошел с участием российских рэп-исполнителей Timran, Novanni, Batrai, Casyana и Zell, звезд

ды канала “9 Волна” Гисы Шерметова, танцевальной группа гимназии “Альбион” и звезд осетинской эстрады» (Южная Осетия, 27 июня 2021 г.).

Общественно-политические и экономические условия конца XX – начала XXI вв. определили толерантность к макароническим вкраплениям, и мода на англо-американизмы, своеобразная ксенофилия свойственны региональным СМИ не в меньшей степени, чем всем другим медиа. Сегодня макаронизмы формируют в сознании реципиентов медиалека новую действительность, способствуют распространению новых идей и моделей поведения, затрагивают сферу эстетических вкусов, и поэтому их использование, при соответствии категории уместности, формирует красоту современного языка.

Медиалект «форсированно внедряется во все культурные и коммуникативные практики человека, в его массовое, публичное и приватное пространства» [11, с. 231]. Медиалект отражает и все болевые точки современности, например проблемы, связанные с обучением русскому языку в Республике Южная Осетия, что проявляется в обыденности нарушений самых элементарных норм – норм орфографии и пунктуации. Язык СМИ, не в полной мере соответствующий критериям хорошей речи, воспроизводит сам себя, формирует «порочный круг». Многоцелевой информационный обмен, осуществляемый медиа, должен базироваться на мощном фундаменте нормативности (в широком понимании термина) и риторических канонов. Решению проблемы должно способствовать не только повышение качества преподавания русского языка на всех уровнях, но и развитие медиалингвистики, интегрирующей в себя риторику, лингвокультурологию и экологическую лингвистику.

Литература

1. *Абаев М., Ежихина М.* «Человек медийный» – новая ступень эволюции или приложение к гаджету? Интервью с Е.Л. Вартановой / Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/orp/27523/> (дата обращения: 23.08.2021).
2. *Адамчук М.* Анкета // Журналисты о русском языке. М.: Изд-во Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 42–44.
3. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Экологическая лингвистика: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 184 с.
4. *Долинин К.А.* Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского университета / гл. ред. Л.А. Вербицкая. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004. С. 607–621.
5. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Мат. Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. 414 с.
6. *Кудинова Т.А.* Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: дис. ... докт. фил. наук. Нальчик, 2011. 390 с.
7. *Куликова Э.Г.* Норма в лингвистике и паралингвистике. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского государственного экономического ун-та (РИНХ), 2004. 300 с.
8. *Лунева Л.П.* Проблемные аспекты культуры речи преподавателя вуза в контексте модернизации образования // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: Сб. мат. X Междунар. конф. по риторике / науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 210–215.
9. *Полонский А.В.* Русский язык в масс-медиа: конфликт между «словарем» и общественным вкусом // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24. Вып. 8. С. 250–255.
10. *Полонский А.В.* Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // Медиалингвистика: Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 329–331.
11. *Полонский А.В.* Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 2. С. 230–240.
12. *Савельева Л.В.* Лингвоэкология: Учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 206 с.
13. *Сквородников А.П.* О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5. С. 12–25.
14. *Солганик Г.Я.* Анкета // Журналисты о русском языке. М.: Изд-во Московского государственного ун-та им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 471–475.
15. *Хазагеров Г.Г.* Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
16. *Хазагеров Г.Г., Глушко М.А.* О системном подходе к качествам речи (на примере логичности) // Наука и образование. 2015. № 2. С. 394–399.
17. *Хазагеров Г.Г.* Риторический манифест. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовской риторической школы, 2020. 45 с.

18. Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29. Pp. 105–134.
19. Pstyga A. Norma i usus problem pisowni i odmiany rosyjskojęzycznych nazw własnych w praise polskiej // *Norma i usus współczesnej polszczyzny: Wybrane problem*. Gdańsk: W-wo UG, 2016. Pp. 77–85.
20. Teze předložené k prvému sjezdu slovanskych filologů v Rraze 1929 // *U základu Pražské jazykovědné školy: Prameny české a slovenské lingvistiky. Řada česká – svazek I / Věd. red. akad. B. Havránek; K vydání připravil prof. dr. J. Vachek, DrSc. Praha: Academia, 1970. S. 35–65.*

References

1. Abaev M., Ezhikhina M. (2005) “Chelovek medijnyj” – novaya stupen’ evolyutsii ili prilozhenie k gadzhetu? Interv’yu s E.L. Vartanovoj [“Media Man” – a New Stage of Evolution or an Application to a Gadget? Interview with E.L. Vartanova]. *Nauka i zhizn’*. Available at: <https://www.nkj.ru/open/27523/> (date of the application: 23.08.2021) (in Russian).
2. Adamchuk M. (2016) Anketa [Questionnaire]. *Zhurnalisty o russkom yazyke* [Journalists about the Russian language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, pp. 42–44 (in Russian).
3. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. (2016) *Ekologicheskaya lingvistika: monografiya* [Environmental linguistics]. M.: Flinta: Nauka. 184 p. (in Russian).
4. Dolinin K.A. (2004) Sotsialisticheskij realizm v lingvistike (k istorii funktsional’noj stilistiki v SSSR) [Socialist realism in linguistics (to the history of functional stylistics in the USSR)]. *Teoreticheskie problemy yazykoznaniiya: Sb. st. k 140-letiyu kafedry obshchego yazykoznaniiya filologicheskogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Theoretical problems of linguistics: Sat. Art. to the 140th anniversary of the Department of General Linguistics of the Philological Faculty of St. Petersburg University]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publishing, pp. 607–621 (in Russian).
5. (2019) *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira: Mat. Tre’ego Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov* [Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace: Proceedings of Third St. Petersburg International Congress of Conflictology]. Saint Petersburg, 15–16th of November 2019. Saint Petersburg, Fond razvitiya konfliktologii Publishing. 414 p. (in Russian).
6. Kudinova T.A. (2011) *Yazykovej substandart: sotsiolingvisticheskie, lingvokul’turologicheskie i lingvopragmaticheskie aspekty interpretatsii: dis. ... dokt. fil. nauk* [Language substandard: sociolinguistic, linguoculturological and linguopragmatic aspects of interpretation. Ph.D. of Philological Sciences Thesis]. Nal’chik. 390 p. (in Russian).
7. Kulikova E.G. (2004) *Norma v lingvistike i paralingvistike* [Norm in linguistics and paralinguistics]. Rostov on Don, Rostov State University of Economics Publishing. 300 p. (in Russian).
8. Luneva L.P. (2006) Problemnye aspekty kul’tury rechi prepodavatela vuza v kontekste modernizatsii obrazovaniya [Problematic aspects of the speech culture of a university teacher in the context of education modernization]. *Ritorika i kul’tura rechi v sovremennom obshchestve i obrazovanii: Sb. mat. X Mezhdunar. konf. po ritorike* [Rhetoric and speech culture in modern society and education: Proceedings of the X International Conference]. Moscow, Flinta: Nauka Publishing, pp. 210–215 (in Russian).

Специфика медиатекста

9. Polonskij A.V. (2010) Russkij yazyk v mass-media: konflikt mezhdru "slovarem" i obshchestvennym vkusom [Russian language in the mass media: the conflict between the "dictionary" and public taste]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Series: Gumanitarnye nauki*, no. 24, iss. 8, pp. 250–255 (in Russian).
10. Polonskij A.V. (2017) Mediareal'nost': chto my mozhem skazat' o nej segodnya? [Media reality: what can we say about it today?]. *Medialingvistika: Mat. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Medialinguistics: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, pp. 329–331 (in Russian).
11. Polonskij A.V. (2018) Medialekt: yazyk v formate media [Medialect: language in media format]. *Nauchnye vedomosti. Series: Gumanitarnye nauki*, vol. 37, no. 2, pp. 230–240.
12. Savel'eva L.V. (2019) *Lingvoekologiya: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata*. 2nd ed., enl. and rev. Moscow, Yurajt Publishing. 206 p (in Russian).
13. Skovorodnikov A.P. (2019) O nekotorykh nereshennykh voprosakh teorii lingvoekologii [On some unresolved issues in the theory of linguoecology]. *Politicheskaya lingvistika*, no. 5, pp. 12–25 (in Russian).
14. Solganik G.Ya. (2016) Anketa [Questionnaire]. *Zhurnalisty o russkom yazyke* [Journalists about the Russian language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, pp. 471–475.
15. Khazagerov G.G. (2009) *Ritoricheskij slovar'* [Rhetorical Dictionary]. Moscow, Flinta: Nauka Publishing. 432 p. (in Russian).
16. Khazagerov G.G., Glushko M.A. (2015) O sistemnom podkhode k kachestvam rechi (na primere logichnosti) [On a systematic approach to the qualities of speech (by the example of logic)]. *Nauka i obrazovanie*, no. 2, pp. 394–399 (in Russian).
17. Khazagerov G.G. (2020) *Ritoricheskij manifest* [Rhetorical manifesto]. Rostov on Don, Rostov Rhetoric School Publishing, 45 p. (in Russian).
18. Hjarvard S. (2008) The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change [The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change]. *Nordicom Review*, vol. 29, pp. 105–134 (in Russian).
19. Pstyga A. (2016) Norma i usus problem pisowni i odmainsy rosyjskojęzycznych nazw własnych w praise polskiej. *Norma i usus współczesnej polszczyzny: Wybrane problem.* Gdańsk, W-wo UG, pp. 77–85 (in Polish).
20. (1970) Teze předložené k prvému sjezdu slovanskych filologů v Rraze 1929. *U základu Pražské jazykovědné školy: Prameny české a slovenské lingvistiky. Řada česká – svazek I.* Praha, Academia, pp. 35–65 (in Polish).